

ВЫСТРѢЛЪ.

<http://lib.pushkinskijdom.ru2>

ВЫСТРЕЛЬ.

I.

Сиръялись мы.

БАРАТЫНСКИЙ.

Я поклялся засиръялить его по
праву дуэли
(За nimъ остался еще мой вы-
спрѣль).

Вечеръ на бивуакѣ

Мы спояли въ мѣстечкѣ ***. Жизнь
армейскаго офицера извѣсна. Ушромъ
ученые, манежъ; обѣдъ у Полковаго
Командира или въ Жидовскомъ прак-
тире; вечеромъ пуншъ и карпы.
Въ *** не было ни одного открышаго

дома, ни одной невѣсты; мы собирались другъ у друга, гдѣ, кромѣ своихъ мундировъ, не видали ничего.

Одинъ только человѣкъ принадлежалъ нашему обществу, не будучи военнымъ. Ему было около тридцати пяти лѣтъ, и мы за то почитали его спарикомъ. Опытность давала ему передъ нами многія преимущества; къ тому же его обыкновенная угрюмость, крупой нравъ и злой языкъ имѣли сильное влияніе на молодые наши умы. Какая-то иностранность окружала его судьбу; онъ казался Русскимъ, а носилъ иностранное имя. Нѣкогда онъ служилъ въ Гусарахъ, и даже щасливо; никто не зналъ причины, побудившей его выйти въ отставку и поселиться въ бѣдномъ мѣстечкѣ, гдѣ жилъ онъ вмѣстѣ и бѣдно и распутнически: ходилъ вѣчно пѣшкомъ,

въ изношенномъ черномъ серпукѣ,
а держалъ опкрытый сполъ для
всѣхъ офицеровъ нашего полка. Правда,
обѣдъ его соспоялъ изъ двухъ или
шрехъ блюдъ, изготвленныхъ оп-
спавнымъ солдатомъ, но Шампанское
лилось притомъ рѣкою. Никто не
зналъ ни его соспоянія, ни его до-
ходовъ, и никто не осмѣшивался о
шомъ его спрашивать. У него води-
лись книги, большую частію воен-
ныя, да романы. Онъ охотно давалъ
ихъ читать, никогда не требуя
ихъ назадъ; за то никогда не возвра-
щалъ хозяину книги, имъ занятой.
Главное упражненіе его соспояло въ
стрѣльбѣ изъ писцолета. Сѣни
его комнаты были всѣ испочены
пулями, всѣ въ скважинахъ, какъ
сопы пчелиные. Богатое собраніе
писцолетовъ было единственной
роскошью бѣдной мазанки, гдѣ онъ

*

жиль. Искусство, до коего доспигъ онъ, было исимовѣрно, и если бъ онъ вызвался пулей сбить грушу съ фуражки кого бъ то ни было, никто бъ въ нашемъ полку не усомнился подспавить ему своей головы. Разговоръ между нами касался часто поединковъ; Сильвіо (такъ назову его) никогда въ него не вмѣшивался. На вопросъ, случалось ли ему драпться, отвѣчалъ онъ сухо, что случалось, но въ подробности не входилъ, и видно было, что таковые вопросы были ему непріятны. Мы полагали, что на совѣсти его лежала какая нибудь несчастная жертва его ужаснаго искусства. Впрочемъ намъ и въ голову не приходило подозрѣвать въ немъ что нибудь похожее на робости. Ешь люди, коихъ одна наружность удаласпѣ таکовыя подозрѣнія. Нечаянnyй случай всѣхъ насть изумилъ.

Однажды человѣкъ дѣсять нашихъ офицеровъ обѣдали у Сильвіо. Пили по обыкновенному, то есть очень много; послѣ обѣда спали мы уговаривашь хозяина променять намъ банкъ. Долго онъ отказывался, ибо никогда почти не игралъ; наконецъ вѣрь подать каршы, высыпалъ на сполъ полсошни червонцевъ и сѣль мешать. Мы окружили его, и игра завязалась. Сильвіо имѣлъ обыкновеніе за игрою хранить совершенное молчаніе, никогда не спорилъ и не объяснялся. Если понѣру случалось общипаться, то онъ топчасъ или доплачивалъ доспальное, или записывалъ лишнее. Мы ужъ это знали и не мѣшали ему хохлюничать посвое му; но между нами находился офицеръ, недавно къ намъ переведенный. Онъ, играя шупгъ же, въ разсѣянности загнулъ лишній уголъ. Сильвіо взялъ

мѣль и уровняль счѣть по своему обыкновенію. Офицеръ, думая, что онъ ошибся, пустился въ объясненія Сильвіо молча продолжалъ мешанье. Офицеръ, поптерявъ шерпѣніе, взялъ щетку и сперъ то, что казалось ему напрасно записаннымъ. Сильвіо взялъ мѣль и записалъ снова. Офицеръ, разгоряченный виномъ, икрою и смѣхомъ шоварищей, почель себя жесшоко обиженнымъ, и въ бѣшенствѣ схвативъ со спола мѣдный шандаль, пустилъ его въ Сильвіо, копорый едва успѣлъ отклониться отъ удара. Мы смутились. Сильвіо всталъ, поблѣднѣлъ отъ злоспии и съ сверкающими глазами сказалъ: « милосѣивыи государь, изволыше вышти и благодарите Бога, что это случилось у меня въ домѣ. »

Мы не сомнѣвались въ послѣдствіяхъ, и полагали новаго шоварища уже

убищымъ. Офицеръ вышелъ вонъ, сказавъ, что за обиду гоповъ опровергать, какъ буде пѣтъ угодно господину банкомету. Игра продолжалась еще нѣсколько минутъ; но чувствуя, что хозяину было не до игры, мы отстали одинъ за другимъ и разбрелись по квартирамъ, шокуя о скорой ваканціи.

На другой день въ манежѣ мы спрашивали уже, живъ ли еще бѣдный Поручикъ, какъ самъ онъ явился между нами; мы сдѣлали ему попытка же вопросъ. Онъ отвѣчалъ, что объ Сильвіо не имѣлъ онъ еще никакого извѣстія. Это насъ удивило. Мы пошли къ Сильвіо и нашли его на дворѣ, сажающаго пулю на пулю въ шуза, приkleеннаго къ воротамъ. Онъ принялъ насъ пообыкновенному, ни слова не говоря о вчерашнемъ проишествіи. Прошло три дня, Пору-

чикъ быль еще живъ. Мы съ удивлениемъ спрашивали: не ужели Сильвіо не будешъ драпаться? Сильвіо не дрался. Онъ довольствовался очень легкимъ объясненiemъ и помирился.

Это-было чрезвычайно повредило ему во мнѣніи молодежи. Недостатокъ смѣлости менѣе всего извиняется молодыми людьми, которые въ храбости обыкновенно видятъ верхъ человѣческихъ доспоянствъ и извиненіе всевозможныхъ пороковъ. Однакожъ мало по малу все было забыто, и Сильвіо снова пріобрѣлъ прежнее свое вліяніе.

Одинъ я не могъ ужс къ нему приблизишься. Имѣя опть природы романическое воображеніе, я всѣхъ сильнѣе прежде сего быль привязанъ къ человѣку, коего жизнь была загадкою, и который казался мнѣ героемъ паниспіеной какой-шо повѣсти. Онъ

любилъ менѧ; по крайней мѣрѣ со мной однимъ осправлялъ обыкновенное свое рѣзкое злорѣчіе и говорилъ о разныхъ предметахъ съ проподушіемъ и необыкновенною пріятношію. Но послѣ нещастнаго вечера, мысль, что честь его была замарана и не омыта по его собственной волѣ, эта мысль меня не покидала и мѣшиала мнѣ обходиться съ нимъ по прежнему; мнѣ было совсѣмъ на него глядѣть. Сильвіо былъ слишкомъ уменъ и опытенъ, чтобы этого не замѣтилъ и не угадывалъ шому причины. Казалось, это огорчало его; по крайней мѣрѣ я замѣтилъ раза два въ немъ желаніе со мною объясниться; но я избѣгалъ такихъ случаевъ, и Сильвіо опять меня отпуштился. Съ тѣхъ поръ видался я съ нимъ только при товарищахъ,

и прежніе опкровенные разговоры наши прекратились.

Разсѣянные жищели сполици не имѣюшъ понятія о многихъ впечатлѣніяхъ споль извѣстныхъ жищелямъ деревень или городковъ, напримѣръ, объ ожиданіи почтоваго дня: во впорникъ и пятницу полковая наша канцелярія была полна офицерами; кіо ждалъ денегъ, кіо письма, кіо газетъ. Пакеты обыкновенно шупъ же распечатывались, новосши сообщались, и канцелярія представляла картину самую оживленную. Сильвіо получалъ письма, адресованныя въ нашъ полкъ, и обыкновенно шупъ же находился. Однажды подали ему пакетъ, съ копораго онъ сорвалъ печать съ видомъ величайшаго непрѣнія. Пробѣгая письмо, глаза его сверкали. Офицеры, каждый занятый своими письмами, ничего не замѣтили.

«Господа, сказалъ имъ Сильвіо, об-
стоятельства требующъ немедлен-
наго моего отсушевія; ъду сегодня
въ ночь; надѣюсь, что вы не отка-
жетесь отобѣдать у меня въ по-
слѣдній разъ. Я жду и васъ, продолжалъ
онъ, обратившись ко мнѣ, жду непре-
мѣнно.» Съ симъ словомъ онъ поспѣ-
шилъ вышелъ; а мы согласясь соеди-
нились у Сильвіо, разошлись каждый
въ свою сторону.

Я пришелъ къ Сильвіо въ назна-
ченное время и нашелъ у него почти
весь полкъ. Все его добро было уже
уложено; оставались одни голыя,
проспирѣлленныя спѣны. Мы сѣли за
столъ; хозяинъ былъ чрезвычайно
въ духѣ, и скоро веселость его со-
дѣлалаась общую; пробки хлопали
поминутно, спаканы пѣнились и
шинѣли безпрестанно, и мы со все-
возможнымъ усердиемъ желали опь-

ѣзжающему доброго пушки и всякаго блага. Встали изъ за спола уже поздо вечеромъ. При разборѣ фуражекъ Сильвіо со всѣми прощался, взялъ меня за руку и оспановилъ въ ту самую минуту, какъ собирался я выйти. «Мнѣ нужно съ вами поговорить,» сказалъ онъ тихо. Я оспался.

Гости ушли; мы оспались вдвоемъ, сѣли другъ противу друга и молча закурили трубки. Сильвіо былъ озабоченъ; не было уже и слѣдовъ его судорожной веселости. Мрачная блѣдность, сверкающіе глаза и густой дымъ, выходящій изо рту, придавали ему видъ наспоященаго дьявола. Прошло нѣсколько минутъ, и Сильвіо прервалъ молчаніе. «Можешь быть, мы никогда больше не увидимся,» сказалъ онъ мнѣ;» передъ разлукой я хотѣлъ съ вами объясниться. Вы могли замѣтить, что я мало уважаю

но споронне мнѣніе ; но я васъ люблю, и чувствую : мнѣ было бы пягостию оспавить въ вашемъ умѣ несправедливое впечатлѣніе. »

Онъ остановился и спалъ набивашь выгорѣвшую свою трубку ; я молчалъ, пошупая глаза.

« Вамъ было странно , продолжалъ онъ, что я не требовалъ удовлетворенія отъ этого пьяного сумазбода Р***. Вы согласились , что, имѣя право выбрать оружіе , жизнь его была въ моихъ рукахъ , а моя почти безопасна : я могъ бы приписать умѣренность мою одному великодушію , но не хочу лгать . Если бъ я могъ наказать Р***, не подвергалъ вовсе моей жизни , то я бъ ни за что не просили его. »

Я смотрѣлъ на Сильвіо съ изумлениемъ . Таковое признаніе совершенно смущило меня . Сильвіо продолжалъ .

«Такъ точно: я не имѣю права подвергать себя смерти. Шесть лѣтъ тому назадъ я получилъ пощечину, и врагъ мой еще живъ.»

Любопытство мое сильно было возбуждено. «Вы съ нимъ не дрались?» спросилъ я. «Обстоятельства вѣрно васъ разлучили?»

«Я съ нимъ дрался,» отвѣчалъ Сильвіо, «и вотъ памятникъ нашего поединка.»

Сильвіо вспалъ и вынулъ изъ картона красную шапку съ золотою киснью съ галуномъ (что, чѣмъ Французы называютъ *bonnet de police*); онъ ее надѣлъ; она была пропрѣлена на вершокъ опо лба.

«Вы знаете», продолжалъ Сильвіо, «что я служилъ въ *** Гусарскомъ полку. Характеръ мой вамъ известенъ: я привыкъ первенствовать, но смолоду это было во мнѣ спрѣсію. Въ наше время буйство было

въ модѣ: я былъ первымъ буяномъ по арміи. Мы хваспались пьянствомъ: я перепилъ славнаго Б***, воспѣтаго Д. Д — мъ. Дуэли въ нашемъ полку случались поминупшино: я на всѣхъ былъ или свидѣтелемъ, или дѣйсивущимъ лицемъ. Товарищи меня обожали, а полковые командиры, поминушно смѣняемые, смотрѣли на меня, какъ на необходимое зло.

Я спокойно (или беспокойно) наслаждался мою славою, какъ опредѣлился къ намъ молодой человѣкъ богатой и знатной фамиліи (не хочу назвать его). Отроду не встрѣчалъ щасливца споль блестящаго! Вообразите себѣ молодость, умъ, красопу, веселость самую бѣщеную, храбрость самую безпечную, громкое имя, деньги, которыми не зналъ онъ счета и которыя никогда у него не переводились, и представьте себѣ,

какое дѣйствіе долженъ бытъ онъ произвѣсти между нами. Первое вспоминаніе мое поколебалось. Обольщенный мою славою, онъ спалъ-было искать моего дружества; но я принялъ его холодно, и онъ безо всякаго сожалѣнія отъ меня удалился. Я его возненавидѣлъ. Успѣхъ его въ полку и въ общество женщинъ приводили меня въ совершенное отчаяніе. Я спалъ искать съ нимъ ссоры; на эпиграммы мои отвѣчалъ онъ эпиграммами, кото-рыя всегда казались мнѣ неожиданные и остроуміе моихъ, и которыхъ конечно невпримѣръ были веселѣе: онъ шутилъ, а я злобствовалъ. Наконецъ однажды на балѣ у Польского помѣщика, видя его предметомъ вниманія всѣхъ дамъ, и особенно самой хозяйки, бывшей со мною въ связи, я сказалъ ему на ухо какую-то плоскую грубость. Онъ вспыхнулъ и

далъ мнѣ пощечину. Мы бросились къ саблямъ; дамы попадали въ обморокъ; насъ разশашили, и въ эту же ночь поѣхали мы дрались.

Это было на разсвѣтѣ. Я спояль на назначенномъ мѣстѣ съ моими премя секунданшами. Съ неизъяснимымъ нестерпѣніемъ ожидалъ я моего прошивника. Весеннее солнце взошло и жаръ уже наспѣвалъ. Я увидѣлъ его издали. Онъ шелъ пѣшкомъ, съ мундиромъ на саблѣ, сопровождаемый однимъ секундантомъ. Мы пошли къ нему навстрѣчу. Онъ приблизился, держа фуражку, наполненную черешнями. Секунданты опмѣряли намъ двѣнадцать шаговъ. Мнѣ должно было спрѣлять первому: но волненіе злобы во мнѣ было споль сильно, что я не понадѣялся на вѣрность руки, и чтобы дашь себѣ время осѣышъ, уступалъ ему первый выстрѣлъ;

**

прошивникъ мой не соглашался. Положили бросить жребій: первый Но достался ему, вѣчному любимцу щастія. Онъ прицѣлился и пропрѣлилъ мнѣ фуражку. Очередь была за мною. Жизнь его наконецъ была въ моихъ рукахъ; я глядѣлъ на него жадно, спарайась уловить хопя одну шѣнь беспокойства. Онъ стоялъ подъ писцолетомъ, выбирая изъ фуражки спѣлыя черешни, и выплевывая косточки, которыя долепали до меня. Его равнодушіе взбѣсило меня. Чѣмъ пользы мнѣ, подумалъ я, лишить его жизни, когда онъ ею вовсе не дорожитъ? Злобная мысль мелькнула въ умѣ моемъ. Я опустилъ писцолетъ. Вамъ кажется теперь не до смерти, сказалъ я ему, вы изволите завтракать; мнѣ не хочется вамъ помѣшать. Вы ни чутъ не мѣшаеши мнѣ, возразилъ онъ, извольте

себѣ спрѣляшь , а впрочемъ какъ вамъ угодно ; выстрѣль вашъ оспаешся за вами ; я всегда гошовъ къ вашимъ услугамъ. Я обратился къ секундан-шамъ, объявивъ, что нынче спрѣляшь не намѣренъ, и поединокъ пѣмъ и кончился.

Я вышелъ въ описпавку и удалился въ это мѣстечко. Съ тѣхъ поръ не прошло ни одного дня, чпобъ я не думалъ о мщениі. Нынѣ часъ мой насталъ »

Сильвіо вынулъ изъ кармана упомъ полученное письмо, и далъ мнѣ его читать. Кто - шо (казалось, его повѣренный по дѣламъ) писалъ ему изъ Москвы, что *известная особа* скоро должна вступить въ законный бракъ съ молодой и прекрасной дѣвушкой.

« Вы догадываетесь, » сказалъ Сильвіо , кто эта *известная особа*. Ёду въ Москву. Посмотримъ , такъ ли

равнодушно применить онъ смерть передъ своей свадьбой, какъ нѣкогда ждалъ ее за черешнями!»

При сихъ словахъ Сильвіо всталъ, бросилъ обѣ полы свою фуражку и спалъ ходить взадъ и впередъ по комнѣ, какъ шигръ по своей кѣшѣ. Я слушалъ его неводвижно; спранныя, противоположныя чувствъ волновали меня.

Слуга вошелъ и объявилъ, что лошади готовы. Сильвіо крѣпко сжалъ мнѣ руку; мы поцаловались. Онъ сѣлъ въ тележку, гдѣ лежали два чемодана, одинъ съ писполешами, другой съ его пожитками. Мы прошли еще разъ, и лошади поскакали.

II.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и домашнія обстоятельства принудили меня поселиться въ бѣдной деревенькѣ N ** уѣзда. Занимаясь хозяйствомъ, я не переспавалъ тихонько вздыхать о прежней моей шумной и беззаботной жизни. Всего труднѣе было мнѣ привыкнуть проводить весенне и зимніе вечера въ совершенномъ уединеніи. До обѣда кое-какъ еще дошагивалъ я время, толкуя со спароспой, разъѣзжая по работамъ или обходя новыя заведенія; но какъ скоро начинало смеркаться, я совершенно не зналъ, куда дѣваться. Малое число книгъ, найденныхъ мною подъ шкафами и въ кладовой, были выщерожены мною наизуспѣ.

Всѣ сказки,

которая только могла запомнить клоуница Кириловна, были мнѣ пересказаны; пѣсни бабъ наводили на меня тряску. Принялся я — было за неподслащенную наливку, но опять нее болѣла у меня голова; да признаюсь, побоялся я сдѣлаться *пьяницею съ горя*, т. е. самымъ горькимъ пьяницею, чему примѣровъ множествомъ видѣлъ я въ нашемъ уѣздѣ.

Близкихъ сосѣдовъ около меня не было, кромѣ двухъ или трехъ горькихъ, конихъ бесѣда состояла большою частию въ икопѣ и вздоханіяхъ. Уединеніе было сноснѣе. Наконецъ рѣшился я ложиться спать какъ можно раннѣе, а обѣдать какъ можно позже; такимъ образомъ украсилъ я вечеръ и прибавилъ долготы дней, и обрѣпохъ, яко се добро есть.

Въ четырехъ верстахъ отъ меня находилось богатое помѣстье, при-

надлежащее Графинѣ Б **; но въ немъ жилъ только управитель, а Графиня посѣшила свое помѣстье только однажды, въ первый годъ своего замужества, и то прожила тамъ не болѣе мѣсяца. Однакожъ во вторую весну моего запворничества разнесся слухъ, что Графиня съ мужемъ прѣдѣпъ на лѣпо въ свою деревню. Въ самомъ дѣлѣ, они прибыли въ началѣ Июня мѣсяца.

Прѣездъ богатаго сосѣда есть важная эпоха для деревенскихъ жителей. Помѣщики и ихъ дворовые люди толкуютъ о томъ мѣсяца два прежде и года три спустя. Чѣмъ касается до меня, то, признаюсь, извѣстіе о прибытии молодой и прекрасной сѣдки сильно на меня подѣйствовало; я горѣлъ неперпѣніемъ ее увидѣть, и потому въ первое Воскресенье по ея прѣздѣ отправился послѣ

объда въ село *** рекомендовашся
Ихъ Сіяпельспвамъ, какъ ближайшій
сосѣдъ и всепокорнѣйшій слуга.

Лакей ввелъ меня въ Графской
кабинетъ, а самъ пошелъ обо мнѣ
должитъ. Обширный кабинетъ былъ
убранъ со всевозможною роскошью;
около спѣнъ стояли шкафы съ кни-
гами, и надъ каждымъ бронзовый
бюстъ; надъ мраморнымъ каминомъ
было широкое зеркало; полъ обитъ
былъ зеленымъ сукномъ и успланъ
коврами. Отвыкнувъ отъ роскоши
въ бѣдномъ углу моемъ, и уже давно
не видавъ чужаго богатства, я оро-
бѣлъ и ждалъ Графа съ какимъ-то
трепетомъ, какъ просипель изъ
провинціи ждетъ выхода Министра.
Двери отворились, и вошелъ мужчина
лѣтъ тридцати двухъ, прекрасный
совою. Графъ приблизился ко мнѣ съ
видомъ открытымъ и дружелюб-

нымъ; я спарался ободриться и началь было себя рекомендовать, но онъ предупредилъ меня. Мы сѣли. Разговоръ его, свободный и любезный, вскорѣ разсѣялъ мою одичалую застѣнчивость; я уже начиналъ входить въ обыкновенное мое положеніе, какъ вдругъ вошла Графиня, и смущеніе овладѣло мною пуще прежняго. Въ самомъ дѣлѣ, она была красавица. Графъ представилъ меня; я хотѣлъ казаться развязнымъ, но чѣмъ больше спарался взяпть на себя видъ непринужденности, тѣмъ болѣе чувствовалъ себя неловкимъ. Они, чтобъ дать мнѣ время оправиться и привыкнуть къ новому знакомству, стали говорить между собою, обходясь со мною какъ съ добрымъ сосѣдомъ и безъ церемоніи. Между тѣмъ я спалъ ходить взадъ и впередъ, осматривая книги и картины. Въ

карпинахъ я не знашокъ, но одна привлекла мое вниманіе. Она изображала какой-то видъ изъ Швейцаріи; но поразила меня въ ней не живопись, а то, что картина была проспрѣлена двумя пулями, всаженными одна на другую. «Вотъ хороший выстрѣль» сказалъ я, обращаясь къ Графу.— «Да, отвѣчалъ онъ, выстрѣль очень замѣчательный. А хорошо вы спрѣялете?» продолжалъ онъ. — «Изрядно,» отвѣчалъ я, обрадовавшись, что разговоръ коснулся наконецъ предмета, мнѣ близкаго. «Въ тридцати шагахъ промаху въ каршу не дамъ, разумѣешся, изъ знакомыхъ пистолетовъ. — «Право?» сказала Графиня съ видомъ большой внимательности; «а ты, мой другъ, попадешь ли въ каршу на тридцати шагахъ?» Когда нибудь, отвѣчалъ Графъ, мы попробуемъ. Въ свое время я спрѣялъ не худо; но вотъ уже

четыре года, какъ я не бралъ въ руки пистолета.» — «О, замѣтилъ я, въ шакомъ случаѣ бываешь обѣ закладь, чѣмъ Ваше Сиятельство не попадеше въ каршу и въ двадцати шагахъ: пистолетъ требуетъ ежедневнаго упражненія. Это я знаю на опытѣ. У насъ въ полку я считался однимъ изъ лучшихъ стрѣлковъ. Однажды случилось мнѣ цѣлый мѣсяцъ не брать пистолета: мои были въ починкѣ; чѣмъ же бы вы думали, Ваше Сиятельство? Въ первый разъ, какъ спалъ попомъ стрѣлять, я даль сряду четыре промаха по бутылкѣ въ двадцати пяти шагахъ. У насъ былъ Ротмистръ, осиротѣлъ, забавникъ; онъ тупъ случился и сказалъ мнѣ: знаешь у тебя, братъ, рука не поднимается на бутылку. Нѣтъ, Ваше Сиятельство, не должно пренебрегать этимъ упражненіемъ, не

*

что опьвикинешь какъ разъ. Лучшій спрѣлокъ, котораго удалось мнѣ вспрѣчашь, спрѣлялъ каждый день, по крайней мѣрѣ три раза передъ обѣдомъ. Этто у него было заведено, какъ рюмка водки. «Графъ и Графиня рады были, что я разговорился. «А каково спрѣлялъ онъ?» спросилъ меня Графъ. «Да вонъ какъ, Ваше Сиятельство: бывало увидишъ онъ, сѣла на спѣну муха: вы смѣялись, Графиня? Ей Богу, правда. Бывало, увидишъ муху и кричипъ: Кузька, пистолетъ! Кузька и несептъ ему заряженный пистолетъ. Онъ хлопъ, и вдавипъ муху въ спѣну! «Этто удивительно!» сказалъ Графъ; «а какъ его звали?» «Сильвіо, Ваше Сиятельство.» «Сильвіо!» вскричалъ Графъ, вскочивъ со своего мѣста; «вы знали Сильвіо?» Какъ не знать, Ваше Сиятельство; мы были съ нимъ пріятели ; онъ въ нашемъ полку при-

няпъ былъ, какъ свой братъ творищъ; да вошъ ужъ лѣпъ пяпъ, какъ обѣ немъ не имѣю никакого извѣстія. Такъ и Ваше Сіяпельство спалобыть знали его?» — «Зналъ, очень зналъ. Не рассказывалъ ли онъ вамъ однаго очень страннаго происшеспвія? «Не пощечина ли, Ваше Сіяпельство, полученная имъ на балѣ отъ какого-то повѣсы?» А сказывалъ онъ вамъ имя эшаго повѣсы?» Нѣпъ, Ваше Сіяпельство, не сказывалъ... Ахъ! Ваше Сіяпельство, продолжалъ я, догадываясь обѣ испинѣ, извиниши... я не зналъ.... ужъ не выли?»... «Я самъ, опившися Графъ, съ видомъ чрезвычайно расстроеннымъ, а просирѣленная картина есть памятникъ послѣдней нашей встречи».. «Ахъ, милый мой, сказала Графиня, ради Бога не рассказывай; мнѣ спрѣшно будепъ слушать» «Нѣпъ, возразилъ Графъ, я все разскажу; онъ знаетъ,

какъ я обидѣлъ его друга: пусь же узнаепъ, какъ Сильвіо мнѣ ошом-спильтъ.» — Графъ подвинулъ мнѣ кре-сла, и я съ живѣйшимъ любопытствомъ услышалъ слѣдующій разсказъ.

« Пять лѣтъ тому назадъ я женил-ся. Первый мѣсяцъ, the honey-moon, провелъ я здѣсь, въ этой деревнѣ. Этому дому обязанъ я лучшими ми-нуцами жизни и однимъ изъ самыхъ шяжелыхъ воспоминаній.

Однажды вечеромъѣздили мы вмѣ-снѣ верхомъ; лошадь у жены чпо-то заупрямилась; она испугалась, опадала мнѣ поводья и пошла пѣш-комъ домой. На дворѣ увидѣлъ я до-рожную шелегу; мнѣ сказали, что у меня въ кабинетѣ сидитъ человѣкъ, не ходивший объявить своего имени, но сказавшій прослѣ, что ему до ме-ня есть дѣло. Я вошелъ въ эту комнапу, и увидѣлъ въ темнощѣ

человѣка запыленнаго и обросшаго бородой; онъ споялъ здѣсь у камина. Я подошелъ къ нему, спарадясь припомнить его черты. Ты не узналъ меня, Графъ? сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ. Сильвіо! закричалъ я, и признаюсь, я почувствовалъ, какъ волоса спали вдругъ на мнѣ дыбомъ. Такъ искренно, продолжалъ онъ, выспрѣль за мною; я прѣхалъ разрядившись мой писцолетъ; гоповъ ли шы? Писцолетъ у него торчалъ изъ боковаго кармана. Я опмѣрилъ двѣнадцать шаговъ, и спалъ тамъ въ углу, прося его выспрѣлишь скорѣе, пока жена не воротилась. Онъ медлилъ — онъ спросилъ огня. Подали свѣчи. — Я заперъ двери, не велѣлъ никому входить, и снова просилъ его выспрѣлишь. Онъ вынулъ писцолетъ и прицѣлился... Я счипалъ секунды.... я думалъ о ней... Ужасная

прошла минута! Сильвіо опустилъ руку. Жалѣю, сказаъ онъ, чи то пистолетъ заряженъ не черешневыми косточками... пулъ шажела. Мнѣ все кажется, что у насъ не дуэль, а убийство: я не привыкъ цѣлишь въ безоруженнаго. Начнемъ сызнова; кинемъ жеребій, кому спрѣлять первому. Голова моя шла кругомъ.... Кажется, я не соглашался.... Наконецъ мы зарядили еще пистолетъ; свернули два билета; онъ положилъ ихъ въ фуражку, нѣкогда мною проспрѣленную; я вынулъ опять первый номеръ. Ты, Графъ, дьявольски щасливъ, сказалъ онъ съ усмѣшкою, коимъ никогда не забуду. Не понимаю, что со мною было, и какимъ образомъ могъ онъ меня къ шому принудить,... но — я выспрѣмилъ, и попалъ вонъ въ эшу каршину. (Графъ указывалъ пальцемъ на про-

спрѣленную карпину; лице его горѣло какъ огонь; Графиня была блѣднѣе своего плашка: я не могъ воздержаться отъ восклицанія).

Я выспрѣлилъ, продолжалъ Графъ, и слава Богу, даль промахъ; тогда Сильвіо . . . (въ эту минуту онъ былъ, право, ужасенъ) Сильвіо спалъ въ меня прицѣливаться. Вдругъ двери отворились, Маша вѣгаешъ, и съ визгомъ кидается мнѣ на шею. Ея присущество возвратило мнѣ всю бодрость. Милая, сказалъ я ей, развѣ ты не видишь, что мы шупимъ? Какъ же ты перепугалась! поди, выпей спаканъ воды и приди къ намъ; я представлю тебѣ спаринаго друга и товарища. Машѣ все еще не вѣрилось. Скажише, правду ли мужъ говоришъ? сказала она, обращаясь къ грозному Сильвіо; правда ли, что вы оба шупишь? Онъ всегда шупишъ,

Графиня, опивъчаль ей Сильвіо; однажды далъ онъ мнъ шупля пощечину, шупля проспирѣмъ мнъ вонъ эспу фуражку, шупля далъ сей часъ по мнъ промахъ; теперъ и мнъ пришла охота пошутишь.... Съ эшимъ словомъ онъ хотѣлъ въ меня прицѣлишь... . при ней! Маша бросилась къ его ногамъ. Вспань, Маша, спыдво! закричалъ я въ бѣшенствѣ; а вы, сударь, переспанепе ли издѣвалишься надъ бѣдной женщиной? Будете ли вы спрѣляти или иѣшь? Не буду, опивъчаль Сильвіо, я доволенъ: я видѣлъ твое смященіе, швою робость; я заспавилъ тебя выспрѣлишь по мнъ, съ меня довольно. Будешь меня помнишь. Предаю тебя твоей совѣслии. Тушъ онъ было вышелъ, но оспановился въ дверяхъ, оглянулся на проспирѣленную мною каршину, выспрѣмъ въ нее почши

не цѣлясь, и скрылся. Жена лежала въ обморокѣ; люди не смѣли его остановить и съ ужасомъ на него глядѣли; онъ вышелъ на крыльце, кликнулъ ямщика, и уѣхалъ, прежде чѣмъ успѣлъ я опомниться.»

Графъ замолчалъ. Такимъ образомъ узналъ я конецъ повѣстіи, коей начало нѣкогда такъ поразило меня. Съ героемъ оной уже я не вспрѣ-чался. Сказываютъ, что Сильвіо, во время возмущенія Александра Ипсанши, предводительствовалъ опря-домъ Энгерисповъ и былъ убитъ въ сраженіи подъ Скулянами.

<http://lib.pushkinskijdom.ru38>